УДК: 323.233 DOI: 10.12737/21318

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ МОБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОМАЙДАНА)[1]

***Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Азаров А.А., Фильченков А.А., Абрамов М.В., Карзубов Д.Н.*[2]**

В статье представлены результаты киберметрического анализа цифровых следов протестной активности украинских пользователей в социальных медиа (январь-февраль 2014 г.). Выявлены стратегии формирования установок протестного поведения украинских граждан в глобальной сети. Эмпирическая модель исследования включала ивент-анализ, типологизацию сообщений о рассматриваемых событиях с применением онлайн Интернет-сервиса мониторинга социальных медиа и дискурс-анализ сообщений, формирующих протестные установки у украинских пользователей. Структурному и содержательному анализу подверглись цифровые следы трех периодов развития протестных настроений, выявленных в процессе ивент-анализа. Разработка маркеров интенсивности позволила осуществить структурный анализ Интернет-контента, а определение маркеров содержания обеспечило смысловое наполнение циркулирующих в глобальной сети сообщений. Дискурс-анализ сообщений социальных медиа установил доминирование некоторых технологий негативной мобилизации протестующих: отождествление политических субъектов с источниками общественной угрозы или недовольства; использование антропоморфных метафор; транслирование сведений провокационного характера. В статье обозначены перспективы дальнейшего исследования, предполагающие совершенствование методики анализа формирования протестной активности по цифровым следам.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 01201451097 «Методология интеллектуального поиска маркеров в Интернет-контенте».

Ключевые слова: Интернет-технологии, протестная активность, протестные установки, негативная мобилизация, социальные медиа, киберметрический анализ, контент-анализ, дискурс-анализ, типологизация, ивент-анализ, Евромайдан.

Бродовская Елена Викторовна – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой социально-политических исследований и технологий, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, а*дрес*: 119991, Москва, улица Малая Пироговская, e-mail: brodovskaya@inbox.ru;

Домбровская Анна Юрьевна – доктор социологических наук, кафедры социально-политических исследований и технологий, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, e-mail: an-doc@yandex.ru;

Азаров Артур Александрович – кандидат технических наук, ст. научный сотрудник лаборатории социального компьютинга, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, e-mail: artur-azarov@yandex.ru;

Фильченков Андрей Александрович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник лаборатории социального компьютинга, Московский педагогический государственный университет, Институт истории и политики, адрес: 119991, Москва, улица Малая Пироговская, e-mail: aaafil@mail.ru;

Абрамов Максим Викторович - мл. научный сотрудник лаборатории социального компьютинга, Московский педагогический государственный университет, Института истории и политики, e-mail: mva16@list.ru;

Карзубов Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры социально-политических исследований и технологий, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет, e-mail: karzubovdn@gmail.com

INTERNET TECHNOLOGIES IN THE MOBILIZATION OF POLITICAL PROTEST (ON THE EXAMPLE OF EUROMAIDAN)

BRODOVSKAYA E.V. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Social and Political Research and Technologies, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University (Russian Federation, Moscow), e-mail: brodovskaya@inbox.ru

DOMBROVSKAYA A.Y. – Doctor of Sociological Sciences, Postdoc of the Department of Social and Political Research and Technologies, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University (Russian Federation, Moscow), e-mail: an-doc@yandex.ru

AZAROV A.A. – Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Social Computing, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University (Russian Federation, Moscow), e-mail: artur-azarov@yandex.ru

FILCHENKOV A.A. – Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Social Computing, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University (Russian Federation, Moscow), e-mail: aaafil@mail.ru.

ABRAMOV M.V. – Junior Researcher at the Laboratory of Social Computing, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University (Russian Federation, Moscow), e-mail: mva16@list.ru.

KARZUBOV D.N. – Postgraduate student of the Department of Social and Political Research and Technologies, Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University (Russian Federation, Moscow), e-mail: karzubovdn@gmail.com

The paper presents the results of cybermetric analysis of Ukrainian protesters` digital footprints in social media (January – February, 2014). Strategies of forming attitudes of protest behavior of Ukrainian citizens in global network are analyzed. Empirical research model included event-analysis, typology reports of events considered using online Internet service monitoring social media and messaging discourse analysis, forming protest attitudes in the Ukrainian users. Structural and meaningful analyses were subjected to digital traces of three periods of development of protest, identified during event analysis. Development of intensity markers allowed to carry out a structural analysis of Internet content, and determining the content of the markers provided semantic content circulating in the global communications network.

Discourse analysis of social media posts established dominance of certain technologies of negative mobilization of protesters: identification of political entities with public threat or sources of discontent; use anthropomorphic metaphors; broadcasting information of provocative character.
In the article the perspectives of further research, involving improvement of methods of analysis of formation protest activity on digital tracks are shown.

The research is done under the grant RFBR № 01201451097 «Methodology intelligent search markers in Internet content».

***Keywords**:* Internet, protest activity, protest attitudes, negative mobilization, social media, cybermetric analysis, content analysis, discourse analysis, typology, event analysis, Euromaidan.

Протестная активность масс в Украине, Молдове, Армении, Казахстане представляет собой пример того, как экономики, сформировавшиеся в условиях олигархического капитализма, несбалансированные социальные структуры, свойственные для большинства стран постсоветского пространства, а также расколы внутри элитных групп, предлагающих противопоставленную/конфликтную с точки зрения цивилизационного выбора геополитического вектора развития и доминирующей модели социализации граждан, систему ценностей, создают основу для кризисного развития. Кейс государственного переворота на Украине демонстрирует применение современных Интернет-технологий, посредством которых не трансформируется репертуар, объект, направленность протеста масс.

Теоретические основы исследования

Исследование опиралось прежде всего на четыре группы теорий.

К первой группе относятся теории, рассматривающие социальный протест как явление (феномен) и предлагающие объяснение причин протестной активности. Это теории заражения Г. Лебона[1], конвергенции Г. Олпорта[2], массового поведения Х.Ортеги-и-Гассета[3], теория формирования повестки дня (agenda settings), исследования внутриэлитных расколов Р. Миллса[4], изучение насильственной и символической политической власти Джоном Б. Томпсоном[5].

Ко второй группе относятся теории, рассматривающие протест как процесс и выделяющие различные стадии протестного цикла. Именно эта группа теорий лежит в основе поиска ответа на вопрос о механизме перехода радикалистского этапа массового протеста к его завершению. К этой группе отнесем теорию относительной депривации, принадлежащую группе социально-психологических теорий коллективного поведения, принадлежащих Н. Смелзеру[6], Р. Теду[7], Е. Здравомысловой[8], В. Костюшеву[9], В. Сафронову[10]; организационную теорию мобилизации ресурсов Дж. Маккарти и М. Залда[11]; ценностно-ориентированный подход «новых общественных движений» К. Оффе[12].

В своем исследовании мы опираемся на положение данного ученого о том, что стадия артикуляции требований и конструирования идеологии (дискурс протеста) и стадия коллективных протестных действий (репертуар протеста) сменяется стадией переговоров и посредничества других акторов поля политики, а та переходит в стадию действий власти по отношению к протесту (игнорирование, репрессии, переговоры и согласования), что служит фактором завершенности/незавершённости цикла протеста.

Третья группа теорий описывает и объясняет сущность воздействия Интернет-коммуникации и отдельно коммуникации в рамках социальных сетей на формирование сознания и поведения людей, в том числе протестных установок. К этой группе следует

[1] Лебон Г. Психология масс и народов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. – 1995. – № 2.
[2] Олпорт Г.У. Толерантность личности // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2.
[3] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. – М., 1991.
[4] Mills W. The Power Elite. Oxford: Oxford University Press, 1999.
[5] Thompson J.B. Political Scandal: power and visibility in the media age. Polity Press, 2000.
[6] Smelser N. The Theory of Collective Behavior. – NY: Free Press, 1963.
[7] Ted R. Gurr Handbook of political conflict: theory and research. -"The" Free Press, 1980;
[8] Здравомыслова Е. Парадигмы западной социологии общественных движений. – СПб.: Наука, 1993.
[9] Костюшев В. Социальный протест в поле политик: потенциал, репертуар, дискурс: (Опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. – 2011. – № 4. – С. 144–57.
[10] Сафронов В. В. Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – №4. – С. 116–130.
[11] McCarthy J.D., Zald M.N. The Enduring Vitality of the Resource Mobilization Theory of Social Movements. // Handbook of Sociological Theory. – NY: Kluwer Academic, 2002.
[12] Offe C. New Social Movements. – Social Research, 1985.

отнести труды М. Кастельса[1], анализирующего процессы перехода общества в информационную эпоху в результате активного развития информационно-коммуникационных технологий. Несомненную значимость для настоящего исследования имеют исследования Г. Рейнгольда[2]. Проанализированный этим ученым феномен общности людей, самоорганизующейся посредством взаимодействия в виртуальной (онлайн) среде, рассматривается нами как явление, способное формировать пространство протестных установок. Исследования Л. Спрэлла и С. Кайзлера[3] позволяют понять, каков механизм перевода протестных установок из электронных социальных сетей в оффлайн практику.

С точки зрения анализируемых в настоящей работе интенсивно циркулирующих в социальных сетях сообщений (репостов) важными для нас являются эмпирические исследования содержания российских социальных сетей С. Грина, который на примере президентской кампании 2012 года в России зафиксировал «эффект эха», состоящий в ретрансляции определенных сообщений (мемов)[4].

Значимым опытом анализа взаимосвязи онлайн- и оффлайн протестной активности для настоящей работы служат исследования ученых ВШЭ, установивших корреляцию между циркуляцией протестных (оппозиционных власти) сообщений и рейтингом доверия к различным политическим акторам (О.Ю. Кольцова и др.[5]).

Четвертая группа трудов, составляющих теоретическую основу исследования, представляет некоторый пул работ, появившихся в течение последних двух месяцев и фокусирующихся на кризисных событиях в Украине. Формат этих исследований колеблется от описания и выстраивания хронологии событий (например Е. Бородинов[6], В. Паниотто[7]) к осмыслению причин и движущих сил данных событий (С. Наумов[8], А. Алейников[9], А. Кочетков[10], Н. Асонов[11], А. Манойло[12], А. Кошкин и Е. Липатова[13]) и далее — до сравнительных, кросс-национальных исследований, построенных на сопоставлении протестных движений в различных регионах мира в целом и постсоветского пространства в частности (А. Днепров[14]).

Кроме этого исследователями предпринимаются попытки осмыслить манипулятивные технологии, применяемые в информационном противостоянии, отражающем кризисные события в Украине (А. Губенко А.В.[15], С. Спиридонов[1]).

---

[1] Castells, M. The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1; 2nd Edition with a New Preface edition. Wiley-Blackwell, 2009.
[2] Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / [пер. с англ. А. Гарькавого]. – Москва: Изд.-торговый дом ГРАНД : Фаир пресс, 2006.
[3] Sproull L., Kiesler, S. Connections: New Ways of Working in the Networked Organization; Seventh printing, MIT Press, 2001.
[4] Green S. Twitter and Russian protest: memes, networks and mobilization // http://www.newmediacenter.ru/ru/2012/05/22/твиттер-и-российский-протест-мемы-сет (date of access 25.12.2012).
[5] Кольцова О.Ю., Маслинский К.А. Выявление тематической структуры российской блогосферы: автоматические методы анализа текстов. – 2013. – № 3 7
[6] Бородинов Е.Н. Причины и следствия государственного переворота на Украине // NB: Международные отношения. – 2014. – № 3.
[7] Паниотто В. Украина. Евромайдан // Вестник общественного мнения. – 2013. – № 3–4.
[8] Наумов С. Украинский кризис как момент истины для российской политики //Власть. – 2014. – № 4. – С. 5–9.
[9] Алейников А. Посткрымские конфликты: стоит ли Париж (Шенген) мессы? //Власть. – 2014. – № 4.
[10] Кочетков А.О новой власти в Украине Власть //Власть. – 2014. – № 4. – С. 16–19.
[11] Асонов Н. Где искать истоки Евромайдана? //Власть. – 2014. – № 4.
[12] Манойло А. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» Арабской весны //Власть. – 2014. – № 4.
[13] Кошкин А., Липатова Е. Возможные сценарии развития событий в Украине //Власть. – 2014. – № 4.
[14] Днепров А. Уроки украинского Евромайдана // NB: Международные отношения. – 2014. – № 4.
[15] Губенко А.В. Украинские события: взгляд изнутри // NB: Международные отношения. – 2014. – № 2.

Принимая во внимание тот факт, что украинские протестные события являются одной из показательных версий социального протеста в масштабе международной революционной практики, мы опираемся также на опыт исследований зарубежных «Оранжевых революций»: С. Хмелевского[2], А. Коротаева[3], Е. Зеленев[4], Л. Сюкияйнен[5], М. Кристенсен[6], Т. Десруес[7], Ф.Ховарда[8], Б. Долгов[9].

Использование перечисленных подходов, теорий и идей в настоящем исследовании направлено на выявление механизмов формирования протестных установок украинских пользователей социальных сетей в процессе завершающей стадии протестного цикла событий «Евромайдана» на Украине (январь – февраль 2014 г.).

Методологические основы исследования

Методология исследования формировалась с учетом базовых принципов политической коммуникативистики, политической конфликтологии, политической психологии и политической лингвистики. Методологическую основу исследования также составили ключевые положения социальной феноменологии, социального конструкционизма, структурного функционализма, символического интеракционизма, социетального институционализма.

Социальная феноменология позволяет объяснить процесс формирования протестных установок в социальных сетях с позиций интерсубъективной природы Интернет-коммуникации.

Социальный конструкционизм дает представление о «коллективном сознании» и «коллективных аттитюдах», транслируемых и ретранслируемых в Интернет-пространстве и обладающих потенциалом воздействия на формирование у пользователей социальных ориентиров, составной частью которых являются протестные установки.

Структурный функционализм объясняет механизм формирования «повестки дня» (agenda-setting) в социальных сетях, в том числе то, каким образом из множества личностных и межличностных повесток на публичной арене оказываются те или иные протестные дискурсы.

Символический интеракционизм предлагает рассмотреть Интернет-коммуникацию с позиций обмена символическими, знаковыми коммуникативными действиями и изучить смысл содержания данной коммуникации через призму значений, вкладываемых коммуникантами в сообщаемое.

---

[1] Спиридонов С. В. «Евромайдан» - новая «Оранжевая революция» в Украине? Или альтернативные методы реализации программы «Восточное партнёрство» // Научно-информационный журнал Армия и общество.– 2013. – № 5 (37).

[2] Хмелевский С.В. Пять минут до «ядерной полуночи», или К вопросу об «экспорте демократии (революций)» и позиции национальной элиты в кризисных ситуациях // Пробелы в российском законодательстве. – 2014.– № 1.

[3] Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г. – М.: Издательство ЛКИ, 2012.

[4] Зеленев Е.И. Смута, анархия, революция: арабская политическая культура на пути в будущее // Азия и Африка сегодня. – 2012. – №1.

[5] Сюкияйнен Л.Р. «Арабская весна» и исламская правовая мысль // Право. Журнал Высшей Школы Экономики. – 2013. – №1.

[6] Кристенсен М. «Арабская весна как мета-событие и коммуникативное пространство» // Стокгольм, «Телевидение и новые медиа». – 2013. – т. 14, вып. 4. – С. 351–364.; Кристенсен М. «Арабская весна как мета-событие и коммуникативное пространство»// Стокгольм: «Телевидение и новые медиа», – 2013. – т. 14, вып. 4. – С. 351–364.

[7] Десруес Т. Мобилизация в гибридном режиме: Движение 20 февраля и Марокканский режим // Текущая социология. – 2013. т. 61, вып. 4.

[8] Ховард Ф. «Цифровые истоки диктатуры и демократии: информационные технологии и политический ислам». – Оксфорд, 2010.

[9] Долгов Б. В. «Арабская весна»: итоги и перспективы // Фонд исторической перспективы. URL: http://perspektivy.info/oykumena/vostok/ arabskaja_vesna_ itogi_i_ perspektivy_2012-04-19.htm (date of access 19.04.2012).

Социетальный институционализм интерпретирует сущность политических сетей (policy networks) как взаимодействие акторов, характеризующееся устойчивостью, наличием определенных моделей координации, воплощаемое в коллективных действиях. Данный подход предполагает анализ структуры сети (mapping network), который заключается в исследовании позиций, занимаемых акторами и отношений между этими позициями.

Программное обеспечение. С помощью функционала интернет-сервиса мониторинга социальных медиа IQBuzz был получен набор документов, опубликованных в социальных медиа за указанный период, удовлетворяющих критериям поиска и релевантных запросу «Майдан|Евромайдан|євромайдан|Ukraine». Критерии поиска были аналогичны критериям, использованным в статьях[1], но были расширенны за счет вновь появившихся акторов, рассмотренных в Инвент анализе. Из полученного массива документов были выбраны 600 наиболее популярных, то есть таких документов, которые обладают наибольшим количеством лайков и репостов, затем эти документы прошли ручную обработку с целью формирования словаря активно-нигилистической и пассивно-нигилистической лексики.

Выгруженные с помощью IQBuzz сообщения были автоматически классифицированы на основе выявленных в ходе проведенного инвент-анализа акторов, а также с учетом сформированного словаря активно-нигилистической и пассивно-нигилистической лексики. Программное обеспечение, позволяющее автоматически классифицировать выгруженные документы, было разработано математической секцией лаборатории социального компьютинга. Данный комплекс программ представляет собой браузерый комплекс программ, разработанный в ходе подготовки статьи. Данный комплекс программ позволяет пользователю создать неограниченное количество групп и ключевых слов, по которым будет проходить классификация документов. В качестве результата работы комплекса программ выступают автоматизированная дифференциация массива документов на группы и отображение последних в виде списка с указанием количества документов в каждом. Подобная автоматизация позволяет существенно ускорить работу и увеличить количество обрабатываемых документов. В то же время процесс работы с сервисом и формирования ключевых слов для групп имел итеративный характер. После каждой классификации, произведённой посредством разработанного продукта, часть отобранных документов просматривалась вручную на предмет поиска сообщений, распределённых неверно. При нахождении таких сообщений поисковые критерии уточнялись и запускался новый цикл работы с контентом. Всего было произведено пять итераций. Разработанный комплекс программ решает узкую задачу классификации документов. Поэтому прямых конкурентов у данного комплекса программ не существует. В то же время, программные продукты, позволяющие проводить мониторинг социальных медиа, могут обеспечить аналогичный или близкий к тому функционал с помощью встроенных фильтров. Такими продуктами выступают: Seesmic, Socialmention, Hootsuite, YouScan, BuzzLook, IQBuzz, Socialbakers, SocialSeek, Socialpointer, PerrIndex, PostRank, Topsy, HowSociable, Twitalyzer, WildFire, Kurrently, Trackur, Babkee, Buzzware, Wobot. Основным преимуществом разработанного коллективом лаборатории математического моделирования социальных процессов Института гуманитарных технологий в сфере социального компьютинга МГГУ им. М.А. Шолохова комплекса

[1] Абрамов М.В., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Ч. II // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.–2014.–№3.–С.56–74; Азаров А.А., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Ч. I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – № 2. – С. 63–78.

программ является дружественный интерфейс пользователя, а также возможность создания неограниченного количества классов, моделируемых пользователем.

Период 16 января – 22 февраля 2014 года характеризуется почти полным отсутствием лексики активного нигилизма с упоминанием акторов. Число сообщений, содержащих лексику пассивно-нигилистического характера, значительно превышает число сообщений, содержащих активно-нигилистическую лексику (рисунок 1). Необходимо отметить, что в анализируемый период наиболее активно публиковались сообщения описательного характера, авторами которых, как правило, выступали непосредственные участники событий, происходящих на Украине. Такие сообщения содержали информацию о происходящих вокруг авторах событиях, фотографии и видеоролики. Ниже приведены примеры таких документов.

> *«Метро запрацювало для тітушок. Массово звозили їх на станцію Печерськ»; «В Ровно въехали 6 автобусов «Беркута»; «На Майдане горит Дом профсоюзов и «Глобус»; «Есть хорошие новости с Востока Украины. В Харькове протестующие подожгли главный офис Партии Регионов. евромайдан...»; «Львовский Беркут перешёл на сторону митингующих и охраняет колонну людей».*

Значительную часть выгрузки в период с 16 января по 22 февраля 2014 года занимают сообщения, выражающие позицию, противоположную поддерживающим Майдан гражданам Украины. Такие сообщения условно можно разделить на три группы. Первую составляют сообщения, выражающие точку зрения, связанную с влиянием властей США и ЕС на дестабилизацию обстановки на Украине. Здесь явно указывают на срежиссированность противостояния и повторение сценариев «оранжевых революций» в арабских странах («Арабская весна»). Часто декларируют коммерческий интерес митингующих на Майдане, озвучивая суммы в 300–400 гривен за сутки, называя протестующих предателями Родины. В целом существенная роль в дискурсе отводится формированию отношения за счет представления интенций участников митинга как нацеленных в первую очередь на обогащение, а самых участников — как используемых третьими лицами исполнителей, за счет чего также формируется представление о вторичности целей протеста и первичности невербализируемой, но, очевидно, враждебной «истинной цели». Свидетельство тому – следующие цитаты из сообщений социальных медиа:

> *«Вы посмотрите, сколько их развелось. Нуланд же говорила, что потратила на Украину 15 млрд и сдаваться они не собираются. Список грантоедских НПО, которые не хотят без боя расставаться со своими «тридцатью с сребрениками».*

Другая линия форматирования отношения к протестующим использует представление идентичности участников Майдана за счет отождествления их с правыми радикалами («бандеровцами») и шире — фашистами. Такое отождествление строится не только на общности места, но также и на общности отдельных целей по свержению правительства, что далее используется для представления целей участников Майдана, направленных против русского и русскоязычного населения Украины. Пример – сообщение такого рода:

«На Майдане стоят БАНДЕРОВЦЫ!».

Еще один дискурс противников Майдана выражает поддержку существующему режиму, непонимание протестующих. Эта позиция видна в таких сообщениях:

> *«Мне понятно и всем адекватным украинцам, кто замутил Евромайдан … что надо очистить столицу от бандерлогов … почему навоз не уберут из Киева? Все знают, что трио лидеров Майдана – преступники… Сколько можно смотреть на избиения ребят из Беркута?»*

Класс документов, содержащих лексику нигилистического характера, составляет примерно треть всей выгрузки. Компаративный анализ количественного выражения протестных настроений в текстах сообщений социальных медиа приводит к следующим выводам: по сравнению со вторым выделенным этапом протеста (1 декабря 2013 – 17 января 2014 г.) на данном этапе наблюдается существенный спад активно-нигилистических сообщений, делая их долю близкой к доле на первом этапе протеста (18–30 ноября 2013 г.). Данная тенденция может быть объяснена тем, что активная мобилизационная фаза протестных действий уже произошла на втором этапе, поэтому основной целью текущего этапа является не столько мобилизация, сколько информирование о происходящем и поддержание высокого протестного уровня. Согласно результатам инвент-анализа, на этом этапе продолжается силовое противостояние между сторонниками Евромайдана и представителями органов правопорядка, однако само противостояние приобретает рутинный и обыденный характер. Можно утверждать, что к началу третьей фазы расстановка сил в Киеве окончательно устоялась, достигнув предела вовлечения киевских жителей.

Можно объяснить также спад числа активно-нигилистических сообщений общей усталостью от затянувшегося противостояния, не выявляющего победителя, не приводящего к разрешению проблем. Противостояние слишком остро и слишком фундаментально, чтобы перестать быть аттрактором общественного внимания, вместе с тем прошло еще слишком мало времени для выхода из дуалистического миропредставления борьбы двух сторон, поэтому социальная инициатива захлебнулась в развернутом противостоянии, не будучи способной в столь короткое время организовать существенную альтернативу антагонизирующим акторам.

Вместе со стабилизацией ситуации в Киеве наблюдается рост протестной активности в других городах Украины (Львов, Чернигов, Полтава, Днепропетровск, Сумы, Черновцы и т.д.), что, однако, не оказывает существенного влияния на доминирующий дискурс, поскольку события в каждом из городов и областей не имеют решающего характера для исхода текущего противостояния, влияя на исход лишь локально.

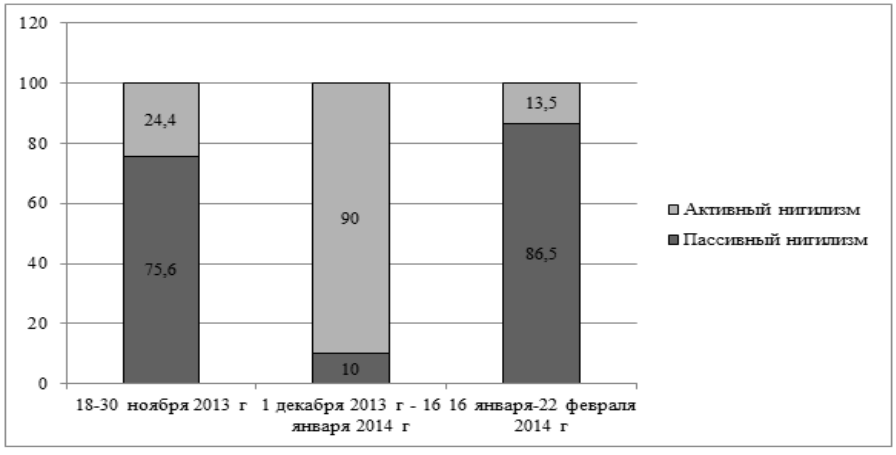

Рисунок 1 – Распределение сообщений с лексикой активного и пассивного нигилизма
Figure 1 – Distribution of messages with the vocabulary of active and passive nihilism

Следует отметить, что динамика распределения сообщений с лексикой активного и пассивного протеста (рис. 1), распределена следующим образом: значительную часть сообщений активного протестного дискурса первого периода составляют документы, датированные 23–24 ноября, когда началось переформатирование протестной активности. Под переформатированием мы понимаем изменение вектора протеста и подмену его предмета. Другими словами, происходит преобразование активности, связанной с недовольством населения решением властей об отказе от евроинтеграции, в политический протест против властей Украины и России. Однако абсолютное большинство сообщений первого периода, содержащих неконвенциональную лексику протеста, приходится на 29 – 30 ноября – период, связанный с применением властями силовых методов воздействия на протестующих.

Интенсивность выражения протестных установок в отношении всех действующих политических акторов существенно возрастает с 1 декабря 2013 г. и до завершения второго периода – наиболее активной фазы протеста.

Как было отмечено выше, в третий период лексика активного нигилизма была недостаточно интенсивно представлена в публикуемых сообщениях, это отражено на рис. 1. Пики были отмечены 20–21 февраля, когда на свободу вышла Юлия Тимошенко, а Виктор Янукович заявил о государственном перевороте. В сети появились следующие сообщения:

«Вони не за Юлю померли! Давайте про це пам'ятати, Майдане! НОВА ВЛАДА!ПОВНІСТЮ!»; «Мало выкурить крысу, надо вылечить чуму и восстановить страну. Это только первый шаг».

Это объясняет экстремумы сообщений, датируемых 19 – 21 февраля, в которых актором выступает конвенциональная оппозиция, – рис. 2.

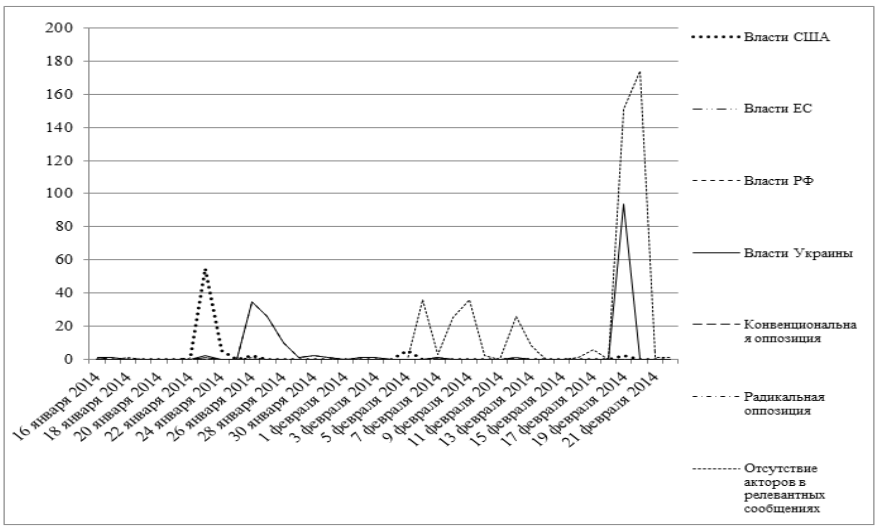

Рисунок 2 – Хронологическое распределение сообщений активно-нигилистического характера с учетом акторов (16 января – 22 февраля 2014 г.)

Figure 2 – Chronological distribution of messages of active nihilistic character according to actors (16 January – 22 February 2014)

В период 16 января – 22 февраля 2014 года всего было проанализировано 5944 сообщения, 802 (13,50%) из которых содержали лексику активного нигилизма, 5142 (86,50%) — лексику пассивного нигилизма, – рисунок 3.

Снижение уровня радикализации к концу февраля 2014 г. следует объяснять достижением цели протестующих – снятием с себя полномочий Президентом В.Ф. Януковичем – см. рис. 3.

Протестные метафоры, используемые на данном этапе протеста, во многом повторяют метафоры предыдущих этапов. Президент Украины В.Ф. Янукович и его ближайшее окружение продолжают быть представлены как «бандиты», «враги народа», стремящиеся лишь к собственному обогащению в ущерб «простых жителей Украины». На последнем этапе, уже после бегства В.Ф. Януковича, заметны сообщения, исполненные ликования и сообщения «о победе».

Рисунок 3 – Уровень радикализации протеста
Figure 3 – The level of radicalization of protest

Качественный анализ релевантных сообщений показал, что содержание протестных высказываний в украинских сетях в период с 16 января по 22 февраля 2014 г. аккумулировало дискурсы, метафоры и основные идеи предыдущих периодов в развитии протестных событий на Майдане[1]. В частности, активно поддерживаются метафоры, связанные с отождествлением бывшего Президента Украины В.Ф. Януковича с бандитом, вором и предателем. Продолжение этой темы связано с двумя тенденциями в развитии дискурса, отражающего отношение к бывшей украинской власти как источнику бед, лишений и социальной несправедливости. Первая тенденция заключается в транслировании «систематизированных этапов предательства В.Ф. Януковичем народа и Украины».

Так, в качестве первого эпизода приводится *«приказ о разгоне, а потом признание превышения полномочий «Беркутом» во время разгона первого выхода людей на Евромайдан».* В сообщениях, содержащих «полный перечень предательских поступков» В.Ф. Януковича как последний значится его *«позорный побег».*

[1] Абрамов М.В., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения кибермет рического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Ч. II // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – № 3. – С. 56 – 74.; Азаров А. А., Бродовская Е.В., Дмитриева О. В., Домбровская А. Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения кибермет рического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Ч. I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – № 2. – С. 63 – 78.

Вторая тенденция связана с приданием имени бывшего Президента Украины нарицательности и его своеобразной деперсонализацией. Речь идет о наполнивших Интернет-коммуникацию понятий «бандюкович», «мироносец и увещеватель», «предатель». По сути, происходит отказ пользователей социальных медиа В.Ф. Януковичу в персональном имени. А завершение подобных сообщений высказываниями типа «…кинут его с промокшими штанами в костер из горящих шин, кремируют заживо…» или «…он погрузил себя в адский громокипящий котел… а каждый должен отвечать за себя и свои действия», «Янукович – политический труп» свидетельствует о корреляции в общественном сознании идеи «Нет имени» – «Нет человека». Таким образом, кульминацией метафор о предательстве В.Ф. Януковича становится ожидание после «политической казни» реальной расправы над *«виновником народных бед»*.

Далее характерные для периода до 16 января 2014 г. метафоры об исключительности пути украинского народа и отождествлении украинцев с жертвами «*властного беспредела»* соединяются в одну метафору *«адских переживаний украинского народа».* Наиболее характерные ассоциации, уточняющие содержание указанной метафоры, таковы: *«…наш костер эштоны, нуланды и прочие «специалисты» тушат бензином».* Помимо транслирования чувства страха перед происходящим в этой идее прослеживается указание на эксплуатацию украинцев политиками других стран. Если сопоставить все сообщения нигилистического характера в отношении различных акторов, явно вырисовывается картина ощущения украинцами себя как мишени российских, американских, европейских политических сил на фоне испытаний социальной несправедливостью со стороны украинской власти. В ядре этой идеи формируется новый дискурс, связывающий происходящее в Украине с формированием *«фашистского режима».* Одно из наиболее ретранслируемых сообщений в украинских социальных медиа анализируемого периода гласит:

> «*…под кабмином играли немецкие наступательные марши и развивались флаги со свастиками и рунами третьего рейха…*» или *«…всё, что сейчас происходит в Украине, – фашизм».*

Эти сообщения формируют атмосферу страха, моральной паники и безысходности. Однако параллельно с этими высказываниями в украинских социальных медиа рассматриваемого периода активно ретранслируется документ, представляющий собой, по сути, инструкцию для протестующего гражданина. Вот некоторые фрагменты данного сообщения:

> *«Во-первых, открой глаза и уши…Услышь, что есть и другая позиция, чем та, которую в Одессе проповедует действующая власть…Когда откроешь глаза, посмотри вокруг – тебе нравится то, что ты видишь?....А теперь подумай, можешь ли ты это изменить. Я уверен, что можешь…Не поддерживай преступный режим…».*

В этом сообщении явно прослеживается не только технологичная стратегия формирования протестных установок, но и продвижение (если не рекламы) алгоритма протестного поведения. Еще один способ мобилизации протестного сознания четко виден в высказываниях, основанных на эффекте проекции и возбуждения желания подражания:

> *«Я не бендеровец в том понимании, которое есть у тебя… Я не заробитчанин с Галиччины – я руковожу командой из 1000 сотрудников в крупной международной организации…уверен, ты многих знаешь, таких, как я….Я хочу, чтобы мои дети росли в Украине, а не в Малороссии, хочу, чтобы в школе им рассказывали о европейских ценностях, а не о постсоветских….существующая власть преступна… Я пытаюсь бороться…».*

В сообщениях такого типа нашло отражение сразу несколько трендовых идей украинского сознания: избранность и уникальность украинской нации; право на свержение власти бандитов, воров и негодяев; дистанцирование от всего российского.

Еще одна активно формируемая идея в украинских социальных медиа ориентирована на оправдание силовых методов против инакомыслящих *(«лоялистов»*): *«Кровавый режим расправился… И можно, и нужно! С ВАС БЕРЕМ ПРИМЕР*».

Совершенным особняком выглядят в массиве релевантных документов пророссийские и антимайдановские высказывания:

«…надо быть законченным недоумком, чтоб не понимать, что конечной целью ЕС и США является абордажный захват России с ее несметными природными ресурсами».

В этих сообщениях видны зарождающиеся в сознании части украинских пользователей социальных сетей установки на противостояние замыслам и идеям Евромайдана. По сути, это – основные ориентиры протестной активности, которая спустя некоторое время выразится в восстании на Юго-Востоке Украины.

Заключение.

На первом этапе Евромайдана (октябрь - ноябрь 2013 г.) в социальных медиа Украины доминировали пассивно-нигилистические потоки, выражающие фоновое и диффузное недовольство граждан ситуацией, сложившейся в стране, дрейфующей между западным и восточным векторами развития. На втором этапе кризисных событий (декабрь 2013 г. – первая половина января 2014 г.) массовое недовольство было канализировано лидерами неконвенциональной оппозиции и направлено против правящего политического режима во многом благодаря созданию интенсивного и технологичного активно-нигилистического потока сообщений в украинских социальных медиа.

Для третьего этапа массового протеста характерны следующие черты. С одной стороны, снижается интенсивность активно-нигилистического потока сообщений, что было связано с достижением своего рода предела негативной мобилизации масс на Украине. С другой стороны, содержание активно-нигилистического потока становится более радикальным и инструктивным, ориентированным не столько на расширение количества участников массовых протестных акций, сколько на управление действиями активно вовлеченных в противостояние с властью.

Библиография/References:

1. Абрамов М.В., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Ч. II // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены . – 2014. – № 3. – С. 56 – 74.

2. Азаров А. А., Бродовская Е.В., Дмитриева О. В., Домбровская А. Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Ч. I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – № 2. – С. 63 – 78.

3. Алейников А. Посткрымские конфликты: стоит ли Париж (Шенген) мессы? // Власть. – 2014. – № 4. – С. 10 – 15.

4. Асонов Н. Где искать истоки Евромайдана? // Власть. – 2014. – № 4. – С. 20 – 23.

5. Бородинов Е.Н. Причины и следствия государственного переворота на Украине // NB: Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 36 – 59.

6. Гоним В. Революция 2.0. – Изд-во: «Лениздат», 2012. – 352 с.

7. Губенко А.В. Украинские события: взгляд изнутри // NB: Международные отношения. – 2014. – № 2. – С. 1 – 23.
8. Десруес Т. «Мобилизация в гибридном режиме: «Движение 20 февраля» и «Марокканский режим» // Текущая социология. – 2013. – т. 61, вып. 4. – С. 409 – 423.
9. Днепров А. Уроки украинского Евромайдана // NB: Международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 33 – 44.
10. Долгов Б. В. «Арабская весна»: итоги и перспективы // Фонд исторической перспективы. – URL: http://perspektivy.info/ oykumena/vostok/ arabskaja_vesna_ itogi_i_ perspektivy_2012-04-19.htm (date of access 19.04.2012).
11. Здравомыслова Е. Парадигмы западной социологии общественных движений. – СПб.: Наука, 1993.
12. Зеленев Е.И. Смута, анархия, революция: арабская политическая культура на пути в будущее // Азия и Африка сегодня. – 2012. – №1. – С. 8 – 12.
13. Кольцова О.Ю., Маслинский К.А. Выявление тематической структуры российской блогосферы: автоматические методы анализа текстов. – 2013. – № 37.
14. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г. – М.: Издательство ЛКИ, 2012.
15. Костюшев В. Социальный протест в поле политик: Потенциал, репертуар, дискурс: (Опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. – 2011. – № 4. – С. 144 –157.
16. Кочетков А. О новой власти в Украине // Власть. – 2014. – № 4. – С. 16 –19.
17. Кошкин А., Липатова Е. Возможные сценарии развития событий в Украине // Власть. – 2014. – № 4. – С. 28 – 31.
18. Кристенсен М. Арабская весна как мета-событие и коммуникативное пространство // Стокгольм, «Телевидение и новые медиа», – 2013. – Т. 14, вып. 4. – С. 351–364.
19. Лебон Г. Психология масс и народов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал, – 1995. – № 2. – С. 166–189.
20. Манойло А.В. Вооруженный мятеж в Украине может стать для России последним тревожным звонком // NB: Международные отношения. – 2014. – № 2. – С. 24-37.
21. Манойло А. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» Арабской весны // Власть. – 2014. – № 4. – С. 24–30.
22. Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. Психологии. Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. – М., 2009.
23. Наумов С. Украинский кризис как момент истины для российской политики // Власть. – 2014. – № 4. – С. 5–9.
24. Олпорт Г.У. Толерантность личности // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2. – С. 155–159.
25. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. – М., 1991.
26. Паниотто В. Украина. Евромайдан // Вестник общественного мнения. – 2013. – № 3–4. – С. 17 – 24.
27. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. – Москва: Изд.-торговый дом ГРАНД : Фаир пресс, 2006.
28. Сафронов В. В. Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – №4. – С. 116 – 130.

29. Спиридонов С. В. «Евромайдан» - новая «Оранжевая революция» в Украине? Или альтернативные методы реализации программы «Восточное партнёрство» // Армия и общество. – 2013. – № 5 (37). – С. 47–53.

30. Сюкияйнен Л.Р. «Арабская весна» и исламская правовая мысль // Право. Журнал Высшей Школы Экономики. – 2013. – №1. – С. 16–37.

31. Хмелевский С.В. Пять минут до «ядерной полуночи», или к вопросу об «экспорте демократии (революций)» и позиции национальной элиты в кризисных ситуациях // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – №1. – С. 248–254.

32. Ховард Ф. Цифровые истоки диктатуры и демократии: информационные технологии и политический ислам. – Оксфорд, 2010.

33. Щюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129–137.

34. Castells M. The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1; 2nd Edition with a New Preface edition. Wiley-Blackwell, 2009.

35. Green S. Twitter and Russian protest: memes, networks and mobilization // http://www.newmediacenter.ru/ru/2012/05/22/твиттер-и-российский-протест-мемы-сет (date of access 25.12.2012).

36. Knoke D. Political Networks: The Structural Perspective. Cambridge University Press. 1994. 290 c

37. McCarthy J.D., Zald M.N. The Enduring Vitality of the Resource Mobilization Theory of Social Movements. // Handbook of Sociological Theory. - NY: Kluwer Academic, 2002

38. Offe C. New Social Movements. – Social Research, 1985. P. 52;

39. Smelser N. The Theory of Collective Behavior. - NY: Free Press, 1963

40. Sproull, L., Kiesler, S. Connections: New Ways of Working in the Networked Organization; Seventh printing, MIT Press, 2001;

41. Ted R. Gurr Handbook of political conflict: theory and research. -"The" Free Press, 1980. 566 p;

42. Thompson J.B. Political Scandal: power and visibility in the media age. Polity Press, 2000.

43. Mills W. The Power Elite. Oxford: Oxford University Press, 1999.

44. Walgrave, S; Van Aelst, P (2006). "The contingency of the mass media's political agenda setting power: Toward a preliminary theory". Journal of Communication 56: 88–109.

1. Abramov, M.V., Brodovskaia, E.V., Dmitrieva, O.V., Dombrovskaia, A.Iu. (2014) Strategii formirovaniia ustanovok protestnogo povedeniia v seti Internet: opyt primeneniia kibermetricheskogo analiza (na primere Evromaidana, noiabr' 2013 g.). Ch. II [Strategy forming attitudes of protest behavior on the Internet: application experience kibermetricheskogo analysis (for example, euromaidan, November 2013). Part II] // Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. – № 3. – P. 56 – 74. (In Russ.)

2. Azarov A. A., Brodovskaia, E.V., Dmitrieva, O. V., Dombrovskaia, A. Iu., Fil'chenkov, A.A. (2014) Strategii formirovaniia ustanovok protestnogo povedeniia v seti Internet: opyt primeneniia kibermetricheskogo analiza (na primere Evromaidana, noiabr' 2013 g.). Ch. I [Strategy forming attitudes of protest behavior on the Internet: application experience kibermetricheskogo analysis (for example, euromaidan, November 2013). Part I] // Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. – № 2. – P. 63 – 78. (In Russ.)

3. Aleinikov, A. (2014) Postkrymskie konflikty: stoit li Parizh (Shengen) messy? [Postkrymskie conflicts: whether Paris is (Schengen) Mass?] // Vlast' [The Power]. – № 4. – P. 10 – 15. (In Russ.)

4. Asonov, N. (2014) Gde iskat' istoki Evromaidana? [Where to find the origins of euromaidan?] / Vlast' [The Power]. – № 4. – P. 20 – 23. (In Russ.)

5. Borodinov, E.N. (2014) Prichiny i sledstviia gosudarstvennogo perevorota na Ukraine [Causes and consequences of the coup d'etat in Ukraine] // NB: Mezhdunarodnye otnosheniia [NB: International Relations]. –№ 3. – P. 36 – 59. (In Russ.)

6. Gonim, V. (2012) Revoliutsiia 2.0 [The Revolution 2.0]. – Izd-vo:«Lenizdat». –352 p.(In Russ.)

7. Gubenko, A.V. (2014) Ukrainskie sobytiia: vzgliad iznutri [Ukrainian events: a view from the inside] // NB: Mezhdunarodnye otnosheniia [NB: International Relations]. – № 2. – P. 1 – 23. (In Russ.)

8. Desrues, T. (2013) «Mobilizatsiia v gibridnom rezhime: «Dvizhenie 20 fevralia» i «Marokkanskii rezhim» ["Mobilization in hybrid mode," February 20 Movement "and the Moroccan regime"] // Tekushchaia sotsiologiia. – t. 61, vyp. 4. – P. 409 – 423. (In Russ.)

9. Dneprov, A. (2014) Uroki ukrainskogo Evromaidana [Lessons Ukrainian euromaidan] // NB: Mezhdunarodnye otnosheniia [NB: International Relations]. – № 4. – S. 33 – 44. (In Russ.)

10. Dolgov, B. V. «Arabskaia vesna»: itogi i perspektivy ["Arab Spring": results and prospects] // Fond istoricheskoi perspektivy [Foundation of historical perspective]. – URL: http://perspektivy.info/ oykumena/vostok/ arabskaja_vesna_ itogi_i_ perspektivy_2012-04-19.htm (date of access 19.04.2012). (In Russ.)

11. Zdravomyslova, E. (1993) Paradigmy zapadnoi sotsiologii obshchestvennykh dvizhenii [Paradigms of Western sociology of social movements]. – SPb.: Nauka. (In Russ.)

12. Zelenev, E.I. (2012) Smuta, anarkhiia, revoliutsiia: arabskaia politicheskaia kul'tura na puti v budushchee [Smoot, anarchy, revolution: the Arab political culture in the way of the future] // Aziia i Afrika segodnia [Asia and Africa today]. – №1. – P. 8 – 12. (In Russ.)

13. Kol'tsova, O.Iu., Maslinskii, K.A. (2013) Vyiavlenie tematicheskoi struktury rossiiskoi blogosfery: avtomaticheskie metody analiza tekstov [Identifying the thematic structure of the Russian blogosphere: automatic text analysis methods]. – № 37. (In Russ.)

14. Korotaev, A.V., Zin'kina, Iu.V., Khodunov, A.S. (2012) Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskaia vesna 2011 g [System monitoring global and regional risks: Arab Spring, 2011]. – M.: Izdatel'stvo LKI. (In Russ.)

15. Kostiushev, V. (2011) Sotsial'nyi protest v pole politik: Potentsial, repertuar, diskurs: (Opyt teoreticheskoi interpretatsii i empiricheskoi verifikatsii) [Social protest in the policies: The potential repertoire of discourse: (Experience and theoretical interpretation of empirical verification)] // Polis [Polis. Political Studies]. – № 4. – P. 144 –157. (In Russ.)

16. Kochetkov, A. (2014) O novoi vlasti v Ukraine [About the new power in Ukraine] // Vlast' [The Power]. – № 4. – P. 16 –19. (In Russ.)

17. Koshkin, A., Lipatova, E. (2014) Vozmozhnye stsenarii razvitiia sobytii v Ukraine [Possible scenarios in Ukraine] // Vlast' [The Power]. – № 4. – P. 28 – 31. (In Russ.)

18. Kristensen, M. (2013) Arabskaia vesna kak meta-sobytie i kommunikativnoe prostranstvo [Arab Spring as a meta-event and communication space] // Stokgol'm, «Televidenie i novye media», – T. 14, vyp. 4. – P. 351–364. (In Russ.)

19. Lebon, G. (1995) Psikhologiia mass i narodov [Psychology of the masses and peoples] // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura [Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature]. Seriia 11: Sotsiologiia. Referativnyi zhurnal, – № 2. – P. 166–189. (In Russ.)

20. Manoilo, A.V. (2014) Vooruzhennyi miatezh v Ukraine mozhet stat' dlia Rossii poslednim trevozhnym zvonkom [Armed rebellion in Ukraine could be Russia's last wake-up call] // NB: Mezhdunarodnye otnosheniia [NB: International Relations]. – № 2. – P. 24-37. (In Russ.)

21. Manoilo, A. (2014) Ukrainskii krizis i «upravliaemyi khaos»: sled «tsvetnykh revoliutsii» Arabskoi vesny [Ukrainian crisis and the "controlled chaos": the trace of "color revolutions" in the Arab Spring] // Vlast' [The Power]. – № 4. – P. 24–30. (In Russ.)

22. Mid, Dzh. G. (2009) Izbrannoe: Sb. perevodov / RAN. INION. Tsentr sotsial. nauchn.-inform. issledovanii. Otd. sotsiologii i sotsial. psikhologii [Favorites: Coll. Translation / Russian Academy of Sciences. INION. Social Center. nauchn.-inform. studies. Dep. Sociology and Social. Psychology]. Sost. i perevodchik V. G. Nikolaev. Otv. red. D. V. Efremenko. – M. (In Russ.)

23. Naumov, S. (2014) Ukrainskii krizis kak moment istiny dlia rossiiskoi politiki [Ukrainian crisis as a moment of truth for the Russian policy] // Vlast' [The Power]. – № 4. – P. 5–9. (In Russ.)

24. Olport, G.U. (2011) Tolerantnost' lichnosti [Tolerance personality] // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]. – № 2. – P. 155–159. (In Russ.)

25. Ortega-i-Gasset, X. (1991) Vosstanie mass // Estetika. Filosofiia kul'tury [Revolt of the Masses // Aesthetics. Philosophy of Culture]. – M. (In Russ.)

26. Paniotto, V. (2013) Ukraina. Evromaidan [Ukraine. Euromaidan] // Vestnik obshchestvennogo mneniia [The Russian Public Opinion Herald]. – № 3–4. – P. 17 – 24. (In Russ.)

27. Reingol'd, G. (2006) Umnaia tolpa: novaia sotsial'naia revoliutsiia [Smart crowd: a new social revolution]. – Moskva: Izd.-torgovyi dom GRAND : Fair press. (In Russ.)

28. Safronov, V. V. (1998) Potentsial protesta i demokraticheskaia perspektiva [The potential for protest and democratic perspective] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii The Journal of Sociology and Social Anthropology]. – №4. – P. 116-130. (In Russ.)

29. Spiridonov, S. V. (2013) «Evromaidan» - novaia «Oranzhevaia revoliutsiia» v Ukraine? Ili al'ternativnye metody realizatsii programmy «Vostochnoe partnerstvo» ["Euromaidan" - a new "Orange Revolution" in Ukraine? Or the alternative methods of implementing the program "Eastern Partnership"] // Armiia i obshchestvo. – № 5 (37). – P. 47–53. (In Russ.)

30. Siukiiainen, L.R. (2013) «Arabskaia vesna» i islamskaia pravovaia mysl' ["Arab Spring" and the Islamic legal thought] // Pravo. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]. – №1. – P. 16–37. (In Russ.)

31. Khmelevskii, S.V. (2014) Piat' minut do «iadernoi polunochi», ili k voprosu ob «eksporte demokratii (revoliutsii)» i pozitsii natsional'noi elity v krizisnykh situatsiiakh [Five minutes before the "nuclear midnight", or to the question of "exporting democracy (revolutions)" and the position of the national elite in crisis situations] // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation]. – №1. – P. 248–254. (In Russ.)

32. Khovard, F. (2010) Tsifrovye istoki diktatury i demokratii: informatsionnye tekhnologii i politicheskii islam [Digital origins of Dictatorship and Democracy: Information Technology and Political Islam]. – Oksford. (In Russ.)

33. Shchiuts, A. (1988) Struktura povsednevnogo myshleniia [Structure of everyday thinking] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]. – № 2. – P. 129–137. (In Russ.)